

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Роман
ИЛЬЯСОВ

Продолжение.
Предыдущие публикации
в №№ 444-448

ДЕЛО БАРУХА

Помолнав немного, Полачев продолжил: «Но ваша карьера — это еще полбеды, это касается вас лично. А если из-за этого Аминова донесут на весь наш следственный отдел, обьявив, что мы не бдительны и не способны выявить истинного врага народа? Вы представляете, к чему это приведет? Тогда уже инстанции повыше займутся не только вами! Ну, и что, вы считаете разумным подставить весь наш отдел и отдать свою личную жизнь за свободу подозреваемого? Разве не разумнее, разве не патриотично будет в наше трудное, кризисное для страны время обвинить подозреваемого в преступлениях, в которых он безоговорочно признается, нежели совершить случайную ошибку?»

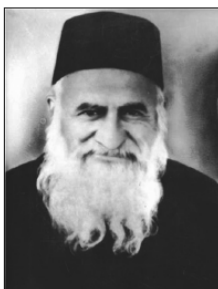
«Товарищ Полачев, — тоном протеста начал Михаил. — Я достаточно грамотен и глубоко понимаю сегодняшнюю политику партии и правительства. И я в курсе всех событий, происходящих в стране. Знаю из средств массовой информации, что в последнее время руководители партии призвали всех людей, работающих в различных политических органах, к высокой бдительности. И знаю, что этот призыв товарища Сталина и огромная работа, которую проводит в этой связи товарищ Ежов, дают неслыханные по своим масштабам результаты. Но я также до глубины души уверен, что руководители нашей страны глубоко понимают и осознают, насколько огромный, непоправимый вред могут нанести те исполнители, которые по разным мотивам переусердствуют, стараясь отличиться или же из боязни ошибиться. Тем самым они разрушают одну из самых важных ценностей, на которых зиждется сила наших идей. Это вера народа в правое дело партии. Говоря конкретно, я уверен, что вред наносят не те исполнители, кто выявляют невиновных, а те, кто отправляют в лагера невинных людей. Вам не приходило в голову, что нашим отделом могут заняться высшестоящие органы, если раскроется дела с фальшивыми признаниями, имевшими место на наших допросах? Вы осознаете, насколько может быть велик

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

моральный, духовный ущерб, наносимый советскому народу в результате таких преступных действий?»

В ходе своей речи Михаил заметил, что лицо Полачева становилось все бледнее и бледнее. Когда Михаил замолчал, оно уже имело мертвецки бледный оттенок. В глазах Полачева можно было уловить страх. Левая рука, в которой он держал папку, изредка нервно подергивалась. Видно было, что после такого неожиданного удара он никак не может прийти в себя. Заикаясь, он пробубнил сквозь зубы: «Время еще покажет, кто...»

Не договорив свою мысль, он повернулся к двери здания и, не поворачивая своей головы в сторону Михаила, тихо открыл дверь. Входя, произнес: «Я распоряжусь, чтобы машину подарили к трём, к выходу жилищного комплекса». Михаил не успел ничего ответить

другой будет отправлен от нас тридцатим в эти лагеря. Так что получается, что вы делаете пустое дело». Начальник тюрьмы широко улыбнулся, развел руками и добавил: «Имейте в виду, товарищ Михайлов, я ничего не говорил вам об этом». Он похлопал Михаила пару раз по плечу и тут же удалился. Михаил постоял

Полачеву, который тут же захопнул за собой двери.

Как раз в этот момент начальник тюрьмы закончил свой разговор с начальником по хозяйственной части. Он с улыбкой подошел к стоявшему у двери Михаилу и обратился к нему: «Я, товарищ Михайлов, невольно услышал ваш разговор о заключенном Аминове. Это, конечно, не моё дело, и я мог бы вам ничего не говорить. Но вы очень напоминаете меня самого в молодости, и я хотел бы вас предостеречь. Я, подобно вам, тоже добивался справедливости, пока не понял, что все мои усилия и попытки безрезультатны. Они только вредили моей карьере и даже были опасны для жизни. Вот и с Аминовым... Вы думаете, что делаете справедливое дело, и что неправильно. А на самом деле вы видите не дальше своего носа. Мы уже имеем распоряжение сверху на отправку тридцати несовершеннолетних заключенных в трудовые колонии. И если не Барух, то непременно кто-

немного перед дверью и вошел в здание, направившись в следственный отдел, где его ожидал Кротков.

Без пяти три Михаил подошел к проходной комплекса. Через пару минут появился Кротков с набитым портфелем. «Я заказал пайки для нас, — сказал он, указывая на свой портфель. — Здесь пайки на весь день: завтрак, обед и ужин».

Ровно к трем к комплексу подъехала машина. Михаил и Кротков тут же вышли из комплекса и направились к ней. Из машины, улыбаясь, вышел уже знакомый Михаилу Василий. Он поприветствовал обоих следователей, открыл двери в машину и предложил им войти внутрь. Сев за руль, он стал разворачивать машину. «Я смотрю, вы за неполные сутки уже успели полностью окунуться в работу, товарищ Михайлов. Вчера в 6 утра я привез вас сюда со станции. А сегодня в 3 утра везу вас в Коканд по делу. Вы хоть успели поспать?» Михаил отрицательно покачал головой: «Время сейчас в стране такое, что иногда многим при-

ходится работать по 24 часа в сутки, чтобы успеть уложиться». «Так вы все это время — всю ночь и утро — находились в следственном отделе?» — удивился Василий. «Нет, я... я закончил работу в полночь. А потом еще в комплексе размышлял кое о чем. Так что не успею вздремнуть». «Что же это такое — "кое-что", которое не давало вам уснуть?» — опять заинтересовался Василий. «Чистка», — глухо ответил Михаил.

Василий в зеркало заднего вида заметил, что Михаил погружился в раздумья. Больше ни разу, на протяжении всей дороги, Михаил не проронил ни слова. В то время как Кротков спокойно дремал на сиденье, прильнув головой к углу автомобиля, он размышлял. Чистка, возглавляемая наркомом товарищем Ежовым, набирает поразительные обороты. Она приняла настолько огромный размах, что коснулась не только высших сфер, начиная с ЦК, НКВД, оборонной промышленности и других, но также всех слоев населения страны. Она коснулась простого населения, живущего в деревнях и городах. Людей, живущих в пограничных зонах. Людей, имеющих национальность, отличную от национальности коренных жителей социалистических республик. По приказу ЦК и товарища Сталина проводились депортации не только различных общин и малых народностей, но также целых народов страны, пребывание которых на советских территориях являлось потенциальной угрозой для территориальной целостности советского государства. Многие такие действия не всегда обнародовались, а те которые даже и обнародовались, были недостаточно, как это часто казалось Михаилу, обоснованы. Также Михаила очень беспокоило, что чистка коснулась довольно известных стране людей, которые являлись примером подражания. Она коснулась старых большевиков, которые на протяжении многих лет работы многократно доказывали свою преданность партии, которые проявляли фанатичную веру в идеи вождя мировой революции и создателя нашего строя товарища Ленина. Имея огромный интерес к жизни партийных деятелей, Михаил не раз был поражен сообщениями, в которых указывались имена обвиняемых в антисоветской деятельности. Ему трудно было поверить, что известные всему народу старые большевики и чекисты обвинялись в шпионаже и прочих антисоветских деятельности. После падения бывшего наркома Ягоды в шпионаже были обвинены мно-

гие сотрудники НКВД, в основном те, которые являлись непосредственными выдвиженцами Ягоды, но которые, как было известно ранее, преданно выполняли свою работу и не раз были отмечены правительственными наградами.

Михаил внезапно вспомнил слова начальника тюрьмы о том, что его справедливые дела зачастую вредили его карьере и даже порой были опасны для жизни. Михаил также вспомнил вчерашнюю сцену на допросе у Полачева. Уставший от невыносимых, человеческих мучений, не выдержавший жесточайших и избиений бедняга допрашиваемый, вида безнадежности своего положения, по-видимому, решил, что лучше скорая легкая смерть, чем невыносимая жизнь в застенках, ведущая к мучительной безысходной смерти. Перед Михаилом снова предстал образ этого избитого бедняги и его отчаянные рыдания со словами: «Я больше не могу! Я всё подпишу, что скажете. Только не бейте, не бейте. Я не могу этого выдержать более. Просту вас. Я всё подпишу». Это впечатление глубоко врезалось в его память, ранило его душу. Возможно, образ этого сдвинутого мученика воплощает в себе образы многих невинных людей, которые были замучены и оговорены такими же Полачевыми. Возможно, эта маленькая сцена является частью того злодеяния, что творится сейчас на огромной политической арене нашей страны? Возможно, члены ЦК допустили какие-то ошибки или же распространили какие-то внутренние неписанные законы, которые породили во всех регионах нашей страны таких Полачевых, готовых обвинить всех подозреваемых в шпионаже, предательстве и другой антисоветской деятельности, сфабриковать неслыханное и непостижимое разуме количество деп. Если раньше, на протяжении многих лет, Михаил не позволял себе подобных размышлений, то увиденное в течение одних суток его работы в тюрьме неожиданно взбудоражило его мировоззрение и породило абсолютно противоположные суждения. Потрясенный вчерашними событиями, Михаил понял, что с этой минуты его сознание начинает перерождаться — и это, несомненно, раскроет ему всё то, что было скрыто для него долгое время. Он понял, что теперь наверняка найдет верные ответы на те многие вопросы, на которые не мог ответить до сей поры без противоречий.

Продолжение следует